

Феликс Кохрихт

Музыкальное приношение Алексея Ботвинова

В нынешнем июне с огромным успехом в нашем городе прошел Третий международный фестиваль «Odessa Classics», родившийся в уме и сердце выдающегося пианиста и деятеля искусства Алексея Ботвинова и им же осуществленный.

Из года в год растут не только класс исполнителей, уровень и разнообразие программ, широта и глубина концепции, но и самое важное для успеха действия – его влияние на состояние культуры (не только музыкальной, но и общей) не только в Одессе, но и в стране.

Ботвинов ставил перед собой задачу, мы не раз обсуждали на протяжении нескольких лет: возродить традиции, которыми некогда славилась Одесса. Если на процесс подготовки высококлассных молодых и юных музыкантов он по разным причинам сегодня повлиять не может, то, на мой взгляд, преуспел в деле возвращения к нам первоклассных исполнителей классической и современной музыки, причем не только в привычных для подобных фестивалей жанрах. Ботвинов стремится приглашать мастеров, так или иначе связанных с нашими музыкальными традициями. Так было и на сей раз.

Один из самых ярких скрипачей современности англичанин Даниэль Хоуп со сцены филармонии говорил о том, что всегда мечтал сыграть в Одессе. Он с гордостью считает себя питомцем

Даниэль Хоуп и Алексей Ботвинов: под сенью Ойстраха

одесской скрипичной школы: все его знаменитые педагоги были питомцами легендарной школы имени профессора Столярского. На следующий день после концерта Ботвинов повел его по Приморскому бульвару на Сабанеев мост – в «Столярку», и там Хоуп сыграл перед портретом Давида Ойстраха на скрипке Гварнери...

И еще одно достижение народного артиста Украины Алексея Ботвинова.

К третьему фестивалю его весомо поддержали городские власти и высоко оценили областные. Без помощи меценатов фестивали и вообще бы не состоялись. Важно, что их стало больше. И потому что растет число состоятельных, желающих помочь Одессе и ее энтузиастам, а во-вторых, многие деловые люди убедились, что эта деятельность не только престижна, но является выгодным вложением средств – сулит прибыль: уважение и благодарность земляков и не только.

Все семь дней я не только был благодарным слушателем и зрителем, но и поставлял каждым следующим за концертом

утром свои заметки на сайт фестиваля. Признаюсь, благодарен Алексею и Лене Ботвиновым, всей команде за то, что они подтолкнули меня вспомнить журналистскую молодость, когда я день и ночь снабжал родную газету оперативными материалами с фестивалей, конкурсов, премьер...

Концерты – на нескольких площадках, выставки, дискуссии, проходившие в рамках фестиваля (и это еще одна важная новация Ботвинова), заслуживают отклика, но это потребовало бы выпуска специального сборника – ведь фестиваль получил обширный резонанс в печатных и электронных СМИ.

Мне хотелось бы повторить и на страницах альманаха слова восхищения и благодарности, которые я опубликовал на сайте в адрес блистательного скрипача Даниэля Хоупа, составившего незабываемый дуэт с Алексеем Ботвиновым, пианиста Себастиана Кнауэра, музыкантов трио Давида Орловски, рассказать об оригинальном проекте художника Степана Рябченко «Звуки тишины», экспонировавшемся в Музее западного и восточного искусства, о, как всегда, интересной и поучительной встрече одесситов с писателем Виктором Ерофеевым, о встрече известного киевского журналиста Олега Вергелиса с коллегами...

Сегодня же я делюсь фрагментами тех своих публикаций, которые объединяет сближение ярких музыкальных событий фестиваля, происходивших в ареале, очерченном Оперным театром, Ланжероновской, Пушкинской, Приморским бульваром, с шедеврами поэзии и прозы Пушкина и Бабеля.

Над этим уголком Одессы парит Гений места – наш защитник и покровитель, во всяком случае, на это уже много лет мы надеемся и во что продолжаем верить.

1. Пора нам в оперу скорей!

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей:
Там упоительный Россини,
Европы баловень – Орфей...

...И мы последовали призыву поэта – июньским вечером собрались у входа в Театр оперы и балета. Не того, завсегдааем которого был молодой петербуржец Александр Пушкин, отправленный за вольнодумство в ссылку в молодой город у тепло-го Черного моря. Первый одесский Городской театр, созданный в 1810 году велением Дюка де Ришелье по проекту Тома де Томона, сгорел в 1873-м. Мы же приглашены в тот, который был построен в 1887 году по замыслу знаменитых венцев Фельнера и Гельмера, – на концерт под девизом «Украинские звезды бельканто».

Если бы по закономерному, на мой взгляд, чуду, которое на уже третьем Ботвиновском фестивале совершает музыка (в прошлом году я, да и Алексей, отчетливо ощущали присутствие на действе у Воронцовской колоннады самого князя Михаила Семеновича), на сей раз прикомандированный к его канцелярии Пушкин оказался бы в этом зале 8 июня 2017 года... Увы, он не услышал бы мелодий любимого им автора «Севильского цирюльника». Зато познакомился бы с творчеством иных «Европы баловней»: Верди, Чайковского, Леонкавалло, Оффенбаха, Дворжака – они создали свои шедевры где-то в середине XIX века. Впрочем, Проспер Мериме, баллады которого переводил Пушкин, уже написал историю о знойной Кармен, но Бизе переложил ее на музыку гораздо позже.

И все же поэт обрадовался бы встрече с героем своей маленькой трагедии «Каменный гость» (и она впоследствии стала оперой Даргомыжского). Концерт начался с дуэта Дон Жуана и Церлины из оперы Моцарта «Дон Жуан» в исполнении Ольги Микитенко и Виталия Билого. Скажу сразу: с огромным успехом эти певцы и Лена Белкина исполнили и сольные арии, но для меня было особенно важным то, что именно в дуэтах мы слышали и увидели, насколько органично и плодотворно сотрудничают (в высоком смысле этого затертого слова) питомцы киевской и одесской вокальных школ. Оставлю специалистам профессиональный разговор об особенностях и традициях каждой и позволю себе заметить, что в этот вечер все собравшиеся в зале получили еще одно подтверждение тому, что наши земляки – «Орфеи» и «Эвридики» XXI века – не только востребованы на сценах мировых театров, но и являются

их звездами. Этому мы с Татьяной не раз были свидетелями на спектаклях венской, мюнхенской, берлинской, дрезденской, будапештской и иных опер.

К сожалению, болезнь помешала участию в гала-концерте нашего земляка Павла Смирнова. Лишь однажды я слышал его – студента Одесской консерватории – на, как говорится, рядовом концерте, и сразу подумал: он рожден быть тенором-премьером. Голос, талант, стать, молодость – что еще нужно для успеха? Вот, оказывается, и Фортуна необходима. Будь Павел в строю, мы бы услышали его не только в дуэтах, но и в квартете из, скажем, «Риголетто». И было бы в тот вечер на сцене по двое: одесситов и киевлян...

Одесский камерный оркестр под управлением Игоря Шаврука – неперенный участник всех фестивалей «Odessa Classics», и на сей раз он был на привычной высоте.

Закончим тем, с чего начали: Грамотой на бессмертие, которую выписал нашему городу великий Поэт в Одесской главе «Евгения Онегина»:

...Финал гремит; пустеет зала;
Шумя, торопится разъезд;
Толпа на площадь побежала
При блеске фонарей и звезд,
Сыны Авзонии счастливой
Слегка поют мотив игривый,
Его неволью затвердив,
А мы ревом речитатив...

Добавлю лишь что в Авзонии – мифической счастливой стране – Пушкин видел молодую Одессу...

Подобно своим предкам, а они в XIX веке ходили в Оперный театр – и в первый, и во второй, и даже имели в нынешнем ложу, вполне вероятно, ту, в которой мы наслаждались мастерством звезд бельканто, – я тоже подвластен тяге напевать после спектакля «мотив игривый». На сей раз это были куплеты Тореадора, блистательно исполненные Виталием Билым. Старался не реветь, пел про себя, но Таня все же услышала

и легким пинком в лодыжку заставила меня замолчать. Ее предки, потомки декабристов и мореплавателей, расходились с премьеры в петербургском Михайловском театре чинно и благородно. А уж если пели, то на домашних спектаклях, и вполне профессионально...

2. Итак, я жил тогда в Одессе...

«Они дошли до угла и повернули на Пушкинскую... Я остался один, и вдруг с такой ясностью, какой никогда не испытывал до тех пор, увидел уходящие ввысь колонны Думы, освещенную листву на бульваре, бронзовую голову Пушкина с неярким отблеском луны на ней...»

В этом отрывке из финала дивного рассказа Исаака Бабеля «Ди Грассо» содержится некое волшебство, как и в строках Александра Пушкина из Одесской главы «Евгения Онегина», посвященных нашему Оперному театру. Уточним лишь, что лирический герой поэта выходил после спектакля на площадь перед первым нашим театром, а персонаж прозы Бабеля – на Ланжероновскую, из нового, ибо действие происходит в 1909 году: именно тогда пятнадцатилетний Исаак записал в дневнике о том, что смотрел трагедию с участием итальянского артиста Джузеппе Ди Грассо.

Удивительным образом и в начале XX века, и в тридцатые годы, когда рассказ Бабеля был опубликован в «Огоньке», и сегодня этот фрагмент исторической застройки Одессы остается практически неизменным, неподвластным времени, а ведь столько событий, и не всегда благоприятных, происходило здесь.

Может быть, нас действительно защищает Гений места?

И вот он вновь предстал для меня в облике некоего объекта, напоминающего посланца иных цивилизаций... Разумеется, это был дрон, который снимал с высоты панораму вечернего города, тот его уголок, где, подсвеченный прожекторами, раскинулся шатер со сценой, на которой разворачивалось действо – концерт *open air* – неременная и важная составляющая фестиваля.

На сей раз место его проведения изменилось, в связи с тем что Колоннада Воронцовского дворца стала объектом реставрационных работ. Пришлось вписываться в пространство того участка пересечения Ланжероновской и Пушкинской, который соседствует и с Оперой, и с музеями – Литературным, Археологическим, с бывшим Английским клубом, бульваром. Намоленное культовое место – именно его неожиданно для себя увидел мальчик из бабелевского рассказа. Увидел окружающее его, как он вспоминал спустя годы, «...в первый раз таким, каким оно было на самом деле – затихшим и невыразимо прекрасным». С ним и другими персонажами этой истории произошло чудо, рожденное высоким искусством. Супруга короля перекупщиков театральных билетов Шварца под воздействием испепеляющей вдохновенной игры итальянского трагика внезапно осознала, что ей не хватает внимания и любви от вечно озабоченного деньгами и утехами на стороне мужа Коли... Мальчик, работавший на короля барышников, потрясенный игрой Ди Грассо, невольно стал свидетелем бурной сцены между темпераментными одесситами – по сути, продолжения спектакля. И вот спустя годы я, в который уже раз, перечитываю волшебную прозу Бабеля...

Искусство как деликатная и могучая сила вновь проявило себя в воплощении проекта Алексея Ботвинова «Музыка любви. Четыре стихии». Хотя смысловые и музыкальные составляющие масштабного и пафосного действия остаются соответствующими сценарию и партитуре, но маэстро всегда чутко реагирует и на свое внутреннее состояние, и на собравшую публику, и на привходящие внезапные факторы. На сей раз ими стало пространство, не достаточное для того, чтобы все желающие, как прежде, могли комфортно разместиться на площадке, вход на которую был традиционно свободным. Отсюда и недовольство части собравшихся по «ту» сторону ограждения, что вылилось и в протестующие крики. Алексей Ботвинов вышел на сцену, рассказал о сложившейся ситуации, о неожиданном переносе площадки и извинился перед теми, кому не хватило места. Уже это снизило накал страстей, а когда зазвучала высокая музыка, и стихии, сменяя друг друга в вечном кругообороте природы, если не подчинились, то прислушались к доводом любви, мы – кто

по одну, кто по другую сторону периметра концертной площадки – сошлись в чувстве признательности создателям праздника, объединившего нас на том месте, где юные Пушкин и Бабель любовались городом и морем...

Среди нас были и члены жюри Первого Одесского международного литературного конкурса имени Бабеля, которое в эти дни подводило его итоги. А среди них – внук писателя Андрей...

И мне послышалось, что в музыку, которую играл Алексей Ботвинов, вплетается голос замечательного мастера – Дмитрия Николаевича Журавлева, который в конце 60-х годов минувшего века читал в Одессе прозу Бабеля, впервые после гибели писателя. И был рассказ «Ди Грассо», и я тогда, словно впервые, увидел «бронзовую голову Пушкина с неярким отблеском луны на ней...».

Но поздно. Тихо спит Одесса;
И бездыханна и тепла
Немая ночь. Луна взошла,
Прозрачно-легкая завеса
Объемлет небо. Все молчит;
Лишь море Черное шумит...

...

3. Финал гремит!

Восклицательный знак в этой строке из Одесской главы «Евгения Онегина» поставлен мной. У Пушкина – через точку с запятой продолжение: «пустеет зала». Фестиваль ставил точку 13 июня.

...Пора и нам уж следовать за Поэтом, вспоминая разъезд публики после спектаклей в Городском театре...

Последний подарок Алексей Ботвинов сделал нам в заключение его обширной разнообразной и вдохновляющей программы, пригласив на сцену Театра оперы и балета Вадима Репина и Бельгийский камерный оркестр Майкла Гутмана. Оба – скрипачи, выступавшие ранее в Одессе. Если Гутмана помнят практически все, кто заполнил зал (от партера до галерки), – он был участником первого фестиваля, то Репина хотя и почитают наши меломаны, но видели и слушали вживую не многие.

Я принадлежу к тем журналистам, кто рассказывал на газетных страницах о знаменательном событии 1987 года. Тогда Тихон Николаевич Хренников, возглавлявший Союз композиторов СССР, привез в Одессу трех юных музыкантов, доверив им исполнение с оркестром своих скрипичных и фортепьянного концертов. Пианист Евгений Кисин и скрипач Максим Венгеров были еще пусть одаренными и уже известными инструменталистами, но мальчишками, а вот Вадим – юношей, обладателем премий на самых престижных конкурсах.

После нынешнего концерта мы вспоминали то время, и Репин радовался первой за три десятилетия встрече с городом и нашей публикой, которая встретила его и проводила не только овацией, но и нескрываемой надеждой на то, что Вадима придется ждать не десятилетия, а максимум годы – до следующих ботвиновских фестивалей... Правда, ему, как и на сей раз, придется вносить коррективы в график концертов, который распечатан на годы. Что до программы, которую маэстро подарил одесситам, то она состояла из произведений разных композиторов, и каждое сочинение – будь-то рапсодия или мимолетный блистательный бис – он представил в своей уникальной манере, в которой совершенное мастерство сочетается с душевностью и сдержанной страстью.

Признаюсь, что по достоинству оценив класс оркестра, исполнившего произведения Вивальди и Моцарта, я был заморожен музыкой Чайковского. И той, которую знал раньше, и впервые услышанным переложением для скрипки арии Ленского, которую вслед за великими тенорами, когда-то выступавшими на этой сцене, спели Вадим Репин и его скрипка... В этот вечер я (надеюсь, что и другие слушатели) ощутил эффект синергии – сложения сил, исходящих от гениальной музыки, мастерства выдающегося музыканта, от ауры нашего театра, в которой есть и отголосок сезона 1892-1893 годов, когда Петр Ильич участвовал в подготовке премьеры оперы «Пиковая дама», давал в Одессе концерты – одни из последних в своей жизни...

Когда Репин и Гутман, чуть сгибаясь от тяжести букетов, ушли за кулисы, Алексей Ботвинов объявил о том, что Третий фестиваль «Odessa Classics» завершен.

Я-то знаю, что с этого момента, а наверняка еще раньше, началась работа над программой четвертого.

P. S. Наконец-то решился признаться в том, что, на мой взгляд, Дюк на эмблеме фестиваля (на Потемкинской лестнице со ступенями-клавишами) чем-то смахивает на Чарли Чаплина...

И это меня обрадовало!

Все великие люди в чем-то похожи друг на друга.

Однажды Александр Блок заметил: «Веселое имя – Пушкин».

Позволю уточнить – особенно в одесский период жизни.

Одесса – веселое имя!